

ВОЗМОЖЕН ЛИ НАУЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ?

Э. Бернштейн

От редакции. Вниманию читателей предлагается программная работа Эдуарда Бернштейна (1850—1932) — одного из лидеров европейской социал-демократии конца XIX — начала XX века. Он доказывает необходимость обновления марксизма с учетом нового исторического опыта, четкого различения социализма как теории и социализма как политической доктрины. В связи с этим поднимается общеметодологическая проблема соотношения науки и социально-политической доктрины. Статья публикуется с сокращениями. Перевод текста с немецкого языка, предисловие и примечания кандидата философских наук Е. Л. Петренко (Институт теории и истории социализма ЦК КПСС).

Могут ли капиталистические общественные отношения постепенно эволюционировать в социалистические или же социалистическая альтернатива реализуема лишь при условии всеобщего краха капитализма? При ответе на этот вопрос Бернштейн исходил из того, что в усложнившемся по своей структуре обществе возможно в принципе лишь постепенное преобразование экономических, политических и других институтов. Требования демократии, солидарности, самоопределения выполняются поэтапно, в процессе такого преобразования. Любая попытка насильственно, механически прервать эту постепенность чревата кризисом, разрушительные последствия которого непредсказуемы.

Экономические реалии свидетельствуют о том, что история опровергла представления Маркса и Энгельса о политической революции как о единственном действенном средстве преобразования капиталистического общества, — к такому выводу на рубеже XIX и XX вв. приходит Бернштейн. В марксистском социализме присутствует, по его оценке, «чисто умозрительное предвзвешивание зрелости экономического и социального развития, обнаруживавшего... лишь первые ростки» (Э. Бернштейн. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. СПб., 1899, с. 30).

История не подтвердила убежденность Маркса и Энгельса в том, что политический переворот, захват власти пролетариатом является необходимым и достаточным условием переустройства экономики на социалистических принципах. Следовательно, перед их учениками и последователями стоит задача по «восстановлению единства между теорией и практикой и внесения единства в теорию» (там же, с. 25). Свои усилия Бернштейн сосредоточивает на том, чтобы выявить присущий, по его мнению, марксистскому учению дуализм — следствие несводимых в единое целое научно-теоретических прогнозов и политических задач.

В работе «Возможен ли научный социализм?» («Wie ist wissenschaftlicher Sozialismus möglich?»), написанной на основе прочитанного в Лондоне 17 мая 1901 г. реферата и опубликованной в том же году в Берлине, Бернштейн формулирует свои представления о путях теоретического обновления марксизма. Социализм, по мнению Бернштейна, имеет дело с отношениями цели, так как только субъективное целеполагание является базой формирования социальной доктрины. Но если научный анализ действительности дополняется (или подменяется) субъективными, прагматическими устремлениями, то перед нами уже не научная теория в строгом смысле этого слова.

Таким образом, Бернштейн выделяет как разнопорядковые элементы социализма доктрину и теорию. К первой надо относить рассуждения о перспективах развития экономической, политической, идеологической деятельности в социалистическом движении. За наукой же остается право высказываться о сущности общественных процессов. Ученый приходит к выводу, что социализм как единство теории и практики вообще не может быть обоснован научно, да он и не нуждается в этом: собственно социалистической политической программой может стать лишь при наличии в ней определенных морально-правовых установок. А поскольку наука должна быть свободна от ценностных суждений, то социализм научен лишь постольку, поскольку гарантирует свободу критики чисто научных элементов своей программы.

Бернштейн никогда не ставил под сомнение правомерность признания социализма целью и идеалом мирового общественного развития. Его критика сосредоточивается на тех положениях социалистического, и прежде всего марксистского, учения, на тех принципах политической практики рабочего движения, которые не сработали, превратились в догму. Однако ревизия Бернштейном отдельных положений учения Маркса и Энгельса была воспринята большинством его современников как полный отказ от теории и метода марксизма, а его социалистическая программа — как альтернативная идея марксистского социализма.

Сам Бернштейн неоднозначно характеризовал свое отношение к марксизму. По его словам, это теоретический синтез «философии истории, политической экономии капитализма и теории классовых борьбы пролетариата, синтез, обновленный последними исследованиями реалий общественного развития. В своих основных понятиях это учение оказалось опровергнутым. Но то, что составляет его глубинный смысл и содержание, подтверждено исторической практикой» (E. Bernstein. Der Sozialismus einst und jetzt. Bonn — Bad Godesberg. 1975, S. 181). Несомненной заслугой марксизма Бернштейн считает то, что в нем соединились в единое целое «социализм как духовно-теоретическая деятельность и социализм как борьба угнетенных масс за свое освобождение» (Ibid., S. 181 — 182).

Так совместимы ли эти феномены — марксизм и бернштейнианский ревизионизм? Несомненно! Ведь ревизионизм в той форме, какую ему придал Бернштейн, явился следствием неизбежной дилеммы, перед которой оказалась массовая политическая партия, исходившая первоначально в своих теоретических установках из радикального отрицания существующего общественного строя, но вскоре, в силу объективной экономической и политической ситуации, переориентировавшаяся на реформизм. Разрыв между теоретической установкой на революцию и практикой реформ социал-демократического движения на рубеже XIX—XX вв. и зафиксировал Бернштейн. Ревизионизм тогда «носился в воздухе».

Интеллектуальная честность — главная черта мышления Бернштейна. Но смелость и бескомпромиссность его позиции не снимает столь же несомненно присущих ей недостатков. Конечно, этот ученый не был привязан ни к каким догмам, быстро реагировал на новые моменты, явления, тенденции в политике и экономике. Но именно в том, что контраргументы Бернштейна базировались на отдельных фактах, еще не ставших качеством реальности, и заключалась слабость исходных положений его концепции. Однако, оценивая сегодня творчество Бернштейна, все реже обращают внимание на логические погрешности и просто фактические ошибки, которых немало в его работах.

Вклад Бернштейна как теоретика социализма (и это особенно ясно в нынешней ситуации) несоотносим с действительно средним уровнем его экономических, исторических, социологических исследований (см. об этом подробнее, например, С. Л. Агаев. Движение и цель. — «Полис», 1991, № 2). Он первый из учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса, поставил вопрос о статусе и действенности марксистского социализма в новой исторической ситуации.

Е. Л. Петренко

Наиболее влиятельная из популярных в наше время социалистических теорий — учение Карла Маркса и Фридриха Энгельса, выражающее требования и цели громадного большинства активно действующих социал-демократов почти во всех странах, была названа ее основателями научным социализмом. В своем сочинении, большинству из нас, вероятно, знакомом и, несомненно, заслуживающем внимания, — в «Развитии социализма от утопии к науке» (фрагменте из не менее интересной его книги «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом») (1) Энгельс подчеркивает, что благодаря двум теоретическим открытиям, сделанным Марксом (материалистическое понимание истории и теория прибавочной стоимости) социализм стал наукой. Это самая точная, хотя и не первая встречающаяся у Энгельса характеристика марксистского социализма как науки. [..].

Между тем марксистский социализм, если употреблять этот термин, не является первым социалистическим учением, претендующим на научность. Уже в первой главе «Капитала» Маркса, в 24-м к ней примечании, вы можете прочесть, что ни одна школа не злоупотребляла так словом science, как школа французского социалиста Прудона (2). А ведь Прудон в те годы, когда творил Маркс, был самым влиятельным из французских социалистов. Но если вы обратитесь к произведениям представителей французской социалистической школы, выступавших до Прудона, к произведениям учеников Шарля Фурье и Анри Сен-Симона; если вы отправитесь в Англию и познакомитесь там с сочинениями последователей школы Роберта Оуэна, повсюду вам придется столкнуться — причем весьма часто — с уверениями в научности их социалистических доктрин. Аналогичные заявления можно найти и у Фердинанда Лассаля. По сути, чуть ли не все социалисты XIX в. так или иначе отождествляли свои учения с наукой.

Такое единомыслие сразу же внушает некоторые подозрения. Ведь известно, что между всеми этими школами существует немало разногласий в теории и на практике. Вспомним хотя бы критику Прудоном фурьеристов или острую полемику Маркса с Прудоном. Да и позиции самого Маркса подвергались серьезной критике в социалистических кругах. Многие их представители обвиняли его именно в тех пороках, которые бичевал Маркс, — в утопизме и метафизической спекуляции. Еще доктор Поль Брусе (теперь почти забытый, но в свое время довольно известный французский социалист) (3) не раз упрекал Маркса в утопизме, а в статье, написанной по случаю его смерти, назвал Маркса последним великим утопистом. Таким образом, между множеством претендующих на научность социалистических теорий существуют довольно серьезные разногласия, касающиеся не только отдельных моментов, но и самих основ этих учений. И поэтому невольно возникает мысль о том, что, пожалуй, все они не свободны от ошибок и, следовательно, не вправе именоваться научными.

Однако если даже отвлечься от всех различий, существующих между этими социалистическими системами и теориями, и обратиться к марксистскому учению, безоговорочно их сегодня превосходящему, то и тут мы сталкиваемся с формулировками, которые представляются нонсенсом критически настроенному уму

Мы видели, что Фридрих Энгельс выводит научность социализма из двух теоретических предпосылок и одна из них — учение о прибавочной стоимости. [...] Казалось, что после сказанного мы вправе заключить: между научным доказательством механизма функционирования прибавочной стоимости и социализмом существует столь тесная связь, что из одного факта существования прибавочной стоимости сама собою вытекает необходимость социализма. Мы, однако, находим у Маркса и Энгельса целый ряд положений, противоречащих этому выводу.

Самым ярким примером в данном отношении могут служить высказывания Энгельса из предисловия к немецкому изданию «Нищеты философии» Маркса, написанного Энгельсом в 1884 г. Именно там Энгельс резко критикует мысль о том, что научность социалистической теории гарантируется признанием факта существования прибавочной стоимости. Подобный взгляд, заявляет он, ссылаясь на Маркса, с точки зрения экономической теории просто неверен, есть не что иное, как простое дополнение

политической экономии моральными постулатами. По законам политической экономии большая часть продукта не принадлежит рабочим, которые его произвели. «Когда же мы говорим: это несправедливо, этого не должно быть, — то до этого политической экономии непосредственно нет никакого дела», — замечает Энгельс. «Мы говорим лишь, что этот экономический факт противоречит нашему нравственному чувству. Поэтому Маркс никогда не обосновывал свои коммунистические требования такими доводами, а основывался на неизбежном, с каждым днем все более и более совершающемся на наших глазах крушении капиталистического способа производства; Маркс говорит только о том простом факте, что прибавочная стоимость состоит из неоплаченного труда» (4). [...]

У читателя складывается впечатление, что он сталкивается с неразрешимым логическим противоречием. Если учение о прибавочной стоимости служит одной из основ марксистского социализма (и мы знаем от самого Энгельса, что произведение, где эта мысль высказана, он читал Марксу еще в рукописи и оно было Марксом одобрено) (5), то спрашивается, на каком основании Энгельс утверждает, что именно учение о прибавочной стоимости как раз и не может служить доказательством научного характера социалистических воззрений? Ясный ответ на этот вопрос отсутствует, а мы лишаемся всех ориентиров при решении данной проблемы. Возможно, пожалуй, что кто-то из теоретиков подвергнет сомнению право Энгельса на подобное заявление, упрекнет его в искажении логики мысли Маркса: ведь в попытках найти более или менее крупные разногласия между Марксом и Энгельсом в области теории недостатка никогда не было (хотя сами эти попытки, несмотря на некоторую гротескность, не всегда беспочвенны). По чести говоря, есть целый ряд моментов, в которых Энгельс не может считаться вполне точным толкователем идей Маркса. Но наш пример с прибавочной стоимостью вряд ли относится к их числу. [...]

Энгельс [...] заявляет, что свои коммунистические требования Маркс основывал на неизбежном, уже на наших глазах свершающемся крушении (*Zusammenbruch*) капиталистического способа производства. Истинность этой позиции, рассматривающей социализм как необходимое следствие кризиса капиталистического строя, как вам, быть может, известно, недавно оживленно дебатировалась среди социал-демократических теоретиков. Эти дискуссии показали, что между социалистами, считающими себя последователями Маркса, существуют немалые разногласия во мнениях. Я не хочу касаться здесь этой полемики, так как сам был ее активным участником (6). Достаточно отметить тот факт, что в ходе дискуссий обнаружились самые различные представления о том, что понимать под крушением капиталистического строя. (...) Остались невыясненными два момента. Во-первых, нужно ли под этим подразумевать неизбежность экономического краха, крупный хозяйственный кризис или же речь идет о крушении всех общественных институтов, вырастающих на базе капиталистического способа производства? Во-вторых, доказана ли вообще неизбежность краха капитализма, возможно ли научное доказательство этого положения? Не является ли оно всего лишь более или менее вероятным предположением? И далее, является ли социализм необходимым следствием крушения капиталистического способа производства? Таковы вопросы, на которые нам придется дать ответ, если мы действительно хотим выявить критерии научного статуса социализма.

Весь исторический опыт свидетельствует (и современная ситуация служит тому подтверждением), что капиталистический способ производства так же преходящ, как и предшествовавшие способы производства. Проблема заключается в том, признаем ли мы неизбежность и необходимость гибели капитализма. «Должен ли социалист не сомневаться, что крах капитализма произойдет в ближайшем будущем? Ведет ли крушение капиталистического строя с необходимостью к победе строя социалистического? В ответах на все эти вопросы социалисты сильно расходятся во мнениях. [...] И если на практике мы наблюдаем несомненный прогресс социализма, видим, как социалистические партии во многих странах достигают успеха за успехом, как рабочее движение выигрывает одну позицию за другой, все яснее формулирует свои задачи и приближается к достижению своих целей, то в области теории налицо кризис: идет процесс распада, среди социалистов господствуют настроения сомнения и упадка. (...) Подобная ситуация заставляет задуматься, а существует ли вообще внутренняя связь между социализмом и наукой, возможен ли научный социализм; и — как социалист — поставлю еще один вопрос: нужен ли вообще научный социализм? [...]

Что такое социализм? Существуют различные его определения, но для нашего исследования важны лишь те, что характеризуют социализм как определенный общественный строй. Подобные представления могут быть двоякого рода. Можно сказать,

что социализм — это картина определенного общественного строя, учение о таковом; но можно представлять социализм и как движение к этому строю. В принципе не имеет значения, как мы характеризуем социализм — как состояние общества, или как движение к этому состоянию, или как учение об этом состоянии. Важно другое: наши представления о социализме всегда опираются на некую идеальную модель будущего; социализм оказывается как бы образом другого мира, о котором, по сути, мы ничего не знаем. Социализм — это проект будущего, но такого будущего, которое должно наступить; однако социализм — это и движение к созданному нами идеалу будущей жизни. (...)

Чтобы избежать всякой путаницы в понятиях, мы будем рассматривать сам термин «социализм» как производный не от расплывчатого *societas* — общество, а от гораздо более определенного *socius* — товарищ, товарищество (коллективизм). Под словом «общественный» можно понимать все, что угодно, и, как производное от этого термина, понятие «социалистический» может употребляться для выражения устремлений, ничего общего не имеющих с целями и задачами деятельности социалистических партий. Напротив, нет ни одного требования в социал-демократических программах, которое бы не исчерпывалось понятием «коллективизм». Именно в этом смысле я когда-то определил социализм как движение к коллективизму, и в этом же смысле употребляю этот термин и теперь. [...]

Если говорить о научном социализме, то нужно всегда иметь в виду, что речь может идти только об обосновании социалистических целей и требований, о теории, положенной в основу этих требований.

[...] Новейший социализм, является, по выражению Энгельса, результатом господствующей в современном обществе классовой борьбы между имущими и неимущими, между буржуазией и наемными-рабочими. Ясно, что как таковой он не может считаться движением чистой мысли, научным познанием. Классовая борьба — это борьба интересов. И хотя всякий интерес (индивидуальный или групповой) предполагает более или менее ясное представление о ситуации, познание ситуации, а способность за случайными на первый взгляд коллизиями имущих и неимущих увидеть проявления общих, исторически обусловленных тенденций классовой борьбы дается лишь при условии достаточно глубокого знания законов истории, главным в классовой борьбе оказывается все-таки защита интересов класса, партии, но не принципов познания. (Последние отстаиваются лишь постольку, поскольку они этим интересам служат.)

К этому необходимо добавить, что социализм — это нечто большее, чем простое обобщение тех принципов, которым подчинена борьба между имущими и неимущими в экономической и политической областях. Как доктрина он является теорией этой борьбы, как движение — ее интерпретацией с точки зрения определенной цели (превращение капиталистического строя в коллективное регулируемое и управляемое хозяйство). Но как цель общественного движения социализм ни в коем случае не должен рассматриваться в качестве необходимого и неизбежного результата общественного развития, осуществления которого ждут все социал-демократы, пусть с большей или меньшей степенью уверенности. Наоборот, сама цель (достижение социализма) ставится ими вполне сознательно, и во имя ее практического осуществления делается все возможное. Но, рассматривая в качестве цели социалистического движения идеальный общественный строй будущего общества и подчиняя этой цели свои действия сегодня, социал-демократия превращает социализм до известной степени в утопию. При этом, я, разумеется, не имею в виду, что социализм как движение ориентируется на что-то невозможное или недостижимое хочу только подчеркнуть, что в социалистическом учении всегда присутствует элемент спекуляции, утопизма, известная доля научно недоказанного или даже недоказуемого. Социология не в состоянии с достоверностью естественнонаучного знания обосновать, что общественный строй, за установление которого борется социал-демократия, наступит при любых условиях и обстоятельствах. Социология может лишь выявить те предпосылки, при которых победа социализма наиболее вероятна.

Однако вовсе не следует рассматривать утопические моменты в социализме как свидетельство несовершенства социалистической теории. Подобно тому как точные науки для своего поступательного развития нуждаются в гипотезах, так и ориентированная на совершенствование общества эмпирическая социология не может обойтись без идеальных представлений о будущем строе. Но такое предвосхищение событий до известной степени всегда есть утопия. Употребляя в данном контексте термин «утопия», я вовсе не хочу сказать, что речь идет о чем-то фантастическом. Несомненно, понятием

«утопия» пользуются и в этом смысле; но если оно имеет только указанное значение, то величайшая несправедливость — употреблять его в связи с именами Роберта Оуэна, Анри Сен-Симона, Шарля Фурье, этих трех предшественников современного социализма, обычно именуемых великими утопистами XIX столетия.

Заслуга Энгельса как теоретика социализма состоит в том, что он защитил этих социалистов от высокомерной и несправедливой критики, встречающейся, к сожалению, не только в работах Дюринга. Именно Энгельсу обязан утопический социализм реабилитацией своего доброго имени. [...] Для своего времени Оуэн, Сен-Симон, Фурье мыслили достаточно реалистично (если под реализмом понимать не равнодушное, не выходящее за пределы сиюминутных интересов филистерство, а стремление вникнуть в проблемы своего времени). При исследовании детерминант человеческой практики и истории они проявили значительно больше трезвости, чем большинство поглощенных мелкой рутинной повседневности их современников. Многие, что в теориях и программах утопического социализма представляется сегодня наивным, нереальным, имело для их современников немалое значение и вполне соответствовало условиям их жизни, историческим и политическим реалиям того времени. [...]

И если мы сравним учение Маркса с доктринами великих утопистов, то увидим, что марксизм хотя и содержит значительно больше элементов научного знания, так же далек от науки, как и утопический социализм. [...] Энгельс, характеризую отличие марксизма от утопического социализма, отмечает, что Оуэн, Сен-Симон, Фурье были — в силу незрелости капиталистических отношений — всего лишь изобретателями социалистических систем, мыслителями, стремившимися к умозрительному конструированию концепций будущего общества. Их модели навязывались тогдашнему обществу «извне» — средствами пропаганды и эксперимента. Марксизм же исходит из того, что пути общественного переустройства надо «не изобретать»... из головы, а открывать их при помощи головы в наличных материальных фактах производства» (7). Я согласен с этой мыслью и считаю, что Энгельсу удалось обозначить ту тенденцию в развитии социалистической мысли, которая связывает творчество великих утопистов с социалистическими идеалами Маркса и Энгельса. Действительно, сегодня все большее значение приобретают новые открытия в области социальных наук, а не производное конструирование будущего. Но все-таки приведенная формулировка Энгельса грешит, по моему мнению, некоторым преувеличением заслуг Маркса, с одной стороны, и недостатков утопического социализма — с другой. Создается неверное представление о творчестве Оуэна, Сен-Симона, Фурье, а между тем и они придавали большое значение объективному исследованию, поиску закономерностей общественного развития. Марксистский социализм Энгельс характеризует как учение, абсолютно свободное от спекуляций всякого рода, хотя в действительности, на мой взгляд, оно (как и всякая другая социалистическая теория) не может не содержать в себе моментов утопизма. Социализм Маркса и Энгельса отличается от систем Оуэна, Сен-Симона, Фурье лишь оценкой сил и средств, необходимых для осуществления социализма. И вряд ли поэтому имеет смысл говорить о том, сколь большой шаг вперед сделали Маркс и Энгельс по сравнению с предшественниками утопического социализма. Но как теория марксистский социализм вовсе не является чистой наукой о возможностях познания общественных сил, способных к переустройству общества на коллективистских началах. Наряду с элементами научного анализа в марксизме присутствуют выводы чисто спекулятивные, умозрительные; особенно это заметно на примере анализа если не средств социалистического преобразования современного общества, то по крайней мере форм и методов их применения и использования. Сейчас не время доказывать этот тезис; я хочу только высказать свое мнение: различия между взглядами Маркса и его предшественников из числа утопических социалистов не столь велики, чтобы считать их воззрения абсолютно противоположными, как характеризует их Энгельс. (...)

Возвратимся, однако, к прерванной нами мысли. Я сказал, что социализм как революционное движение не может не быть тенденциозен в отличие от науки. Тенденциозность заложена в самой природе социализма, ведь практическая его цель — вовсе не в том, чтобы реализовать постулаты науки в действительности, в истории. Представляя всю значимость познания законов общественного развития, социализм выбирает средства и методы практической политики, исходя из научных представлений о действительности, с ними соотносит общие цели движения. Это общепризнанный в социал-демократии принцип. Вопрос лишь в том, может ли революционная партия в своей практической деятельности руководствоваться принципом объективности, «беспристрастности» социалистической теории, являющимся неотъемлемым признаком всякого научного знания. И, раздумывая над ответом на этот вопрос, приходишь к выводу,

что степень «беспристрастия» зависит именно от ясности понимания той границы, которая существует между наукой как объективным познанием и программами как теориями политических партий. [...]

Я считаю необходимым строго разграничивать сферы деятельности науки, политики и партийной жизни. А такое разграничение предполагает выяснение смысла и значения понятия «наука». Наука в строгом смысле этого слова есть не что иное, как систематизированное знание. Знание же — это познание истинных свойств и отношений вещей друг к другу, а так как, смотря по состоянию познания, всегда налицо только одна истина, то в каждой области знания возможно существование только одной научной системы. Относительно так называемых точных наук это всеми признано. Никому теперь и в голову не придет говорить о «либеральной физике», о «социалистической математике», о «консервативной химии» и т. п. Но разве иначе обстоит дело с наукой, изучающей общество, историю? Этого я признать не могу и считаю бессмыслицей представления о том, что существует либеральная, консервативная или социалистическая социология. Сталкиваясь с подобными взглядами, при более близком их рассмотрении мы сразу обнаруживаем, что такой подход игнорирует или недооценивает различия, существующие между наукообразными теориями или доктринами и самой наукой; что те или иные теории или доктрины возводятся в ранг научного знания только потому, что их структуры формально соответствуют требованиям, предъявляемым к научным положениям. Но наукообразная форма еще не делает наукой околонуточные системы. Ведь детерминанты и цели околонуточного знания содержат в себе моменты, весьма далекие от мотивов свободного от всякой тенденциозности познания. А между тем именно несвобода, тенденциозность почти всегда присутствует в социально-политических теориях и всегда — в социально-политических доктринах. [...]

Социально-политические доктрины отличаются от родственных им по проблематике наук между прочим и тем, что они всегда имеют вид законченных систем, а гуманитарные науки открыты для новых идей, подходов и решений. Все доктрины так или иначе подчинены диктату определенных целей и политических мотивов. Момент целеполагания придает любой доктрине (хотя в принципе в ней не исключается и возможность приращения знания) статус завершенности и истинности. Напротив, социология как наука никогда не сможет стать законченной системой знания уже потому, что ее объект — общество — постоянно развивается, а следовательно, меняется. Подлинно научное социологическое знание не выносит окончательного суждения о законах общественного развития как о данных нам раз и навсегда. Но это вовсе не означает, что социология как наука не располагает никакими конкретными, позитивными знаниями. Идею историчности, относительности социологического знания не следует понимать в том смысле, что общественные науки вообще не должны принимать в расчет факты, установленные дедуктивным способом. [...] Но что касается формулировок общих начал и результатов исторического развития, то социологическое знание дать окончательного ответа на эти вопросы не может. Оно в принципе отрицает возможность создания завершенной научной системы в общественном знании. Напротив, социология стремится постоянно пополнять и расширять свой арсенал за счет новых фактов. Для нее не существует иной цели, кроме познания. [...]

Никакой вопрос нельзя решить окончательно — вот подходящий девиз для социалистической теории, поскольку она претендует на научность. Что социализм не является, да и не может быть чистой наукой — это, я думаю, мне удалось доказать. Да и сам термин «научный социализм» является тому подтверждением: ведь никакой «изм» не может быть наукой. «Измами» мы обозначаем мирозерцание, тенденцию, систему мышления, нормы и ценности, но не науку. Основа всякой действительной науки — это опыт; научное здание строится из накопленного знания. Социализм же является учением о будущем обществе, и в силу этого все то, что наиболее характерно и важно именно для социалистической доктрины, не поддается строго научному исследованию и доказательству.

Тем не менее существует все-таки глубинная внутренняя связь между социализмом, как его исповедует социал-демократия, и наукой. Все в большей мере черпает социализм свои аргументы из ее арсенала. Из всех общественных течений он наиболее близок науке, ибо как движение прогрессивного класса социализм свободен в своих оценках существующего общества более, чем всякая другая политическая партия или движение, вправе подвергнуть это общество критике. А свобода критики и есть одно из основных условий научного познания. Общество — это живой, развивающийся организм; та партия или класс, которым современные тенденции общественного развития могут гарантировать

достижение своих целей, естественно, более всех других заинтересованы и в дальнейшем развитии знания об обществе.

Этот интерес присущ социал-демократии еще и потому, что познание социальных взаимосвязей и взаимозависимостей позволяет найти те средства, которые способны как ускорить темпы общественного развития, так и устранить все, что препятствует или замедляет его. Социализм, как уже отмечалось выше, хотя и является до известной степени результатом сознательного целеполагания, воли, не есть порождение чистого волюнтаризма, голого произвола. Чтобы достигнуть желанной цели, социалистическое движение нуждается в руководстве — в науке о факторах общественного развития и их взаимодействии в истории, т. е. в науке, исследующей жизнь общества во всем многообразии причин и следствий.

Термин «научный социализм» порождает зачастую ошибочные представления, будто социализм как теория хочет или должен быть чистой наукой. Такой взгляд не только ошибочен, но и опасен: он лишает социалистическую теорию той доли объективизма, который является одним из первых условий подлинно научного исследования. Любое положение социалистической доктрины, возведшей себя в сан науки, будет рассматриваться как неизменный постулат в цепи ее логических доказательств. А при наличии тесной связи между теорией и практикой, к которой стремится социализм, это может в ряде случаев повредить практическому движению. [...] Поэтому термину «научный социализм» я предпочел бы другое понятие, которое могло бы достаточно ясно выразить ту мысль, что социализм зиждется на основах научного познания, признает науку своим конститутивным элементом, но при этом не претендует на статус научного знания, близкого к созданию завершенной системы представлений о социализме. Этим требованиям лучше всего соответствует понятие «критический социализм», в котором термин «критика» употребляется в смысле научного критицизма Канта. [...]

Я вовсе не единственный социалист, который считает это понятие и этот термин более подходящими для современного социализма и не причисляю себя к его первооткрывателям. Данная формулировка принадлежит человеку, также считающему себя марксистом, но взгляды его в ряде моментов существенно отличаются от моих. Я имею в виду профессора Антонио Лабриола из Рима. Уже в 1896 г. Лабриола в одном из своих произведений, посвященных «Коммунистическому манифесту», отмечает, что не термин «научный», который часто употребляется совершенно необдуманно, а определение «критический» является самой подходящей характеристикой для марксистского коммунизма (8). [...]

Не прихоть, не мелочность [...] заставляет меня высказаться против характеристики современного социализма как научного, а, напротив, стремление гарантировать социалистической теории максимальные возможности для достижения самой высокой степени научности. Суть задачи в том, чтобы преодолеть сегодняшнее неправильное представление о соотношении науки и социализма. Термин «научный социализм» имеет для меня смысл лишь в том случае, если понятие «научный» употребляется как тождественное понятию «критика», как постулат и программа развития социалистической мысли, как требование видеть в научном методе и научном познании основу для своих теоретических и практических выводов.

Наука не может быть тенденциозной. Как познание реально существующего она не принадлежит никакому классу, никакой партии. Социализм, напротив, тенденциозен: и, как доктрина движения, борющегося за идеалы будущего, он не может связывать себя в духовном поиске реалиями сегодняшнего дня, неопровержимостью существующего. Но социалистические цели обусловлены общими тенденциями развития современного общества (и это доказано современной наукой). Очевидно поэтому, что социалистическое учение действительно состоятельно в научном плане, способно удовлетворить требованиям подлинной научности. Следовательно, социал-демократия как партия социализма в большей степени, чем любая другая партия, способна соотнести свои цели и требования с достижениями общественных наук.

Сказанное я могу резюмировать следующим образом: научный социализм возможен постольку, поскольку необходим, т. е. поскольку его научный характер не противоречит вполне разумному требованию создать на базе социалистического учения движение, которое стремится и способно к радикальному преобразованию мира.

1. Бернштейн имеет в виду брошюру Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», представляющую собой переработку трех глав «Анти-Дюринга» в самостоятельную популярную работу, впервые напечатанную в 1880 г. под названием «Утопический социализм или научный социализм».

2. См. Маркс К. Капитал. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 78.

3. Брусе Поль (1854—1912) — французский социалист, участник Парижской Коммуны; в 1879 г. вошел во Французскую рабочую партию, один из лидеров и идеологов POSSИБИЛИЗМА.

4. Энгельс Ф. Маркс и Родбертус. Предисловие к первому немецкому изданию работы Маркса «Нищета философии». — Маркс К, Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 184.

5. Бернштейн имеет в виду труд Энгельса «Переворот в науке, совершенный господином Евгением Дюрингом», вошедший в историю под названием «Анти-Дюринг».

6. Речь идет о дискуссиях о ревизионизме, развернувшихся в социал-демократических кругах в конце 90-х гг. Поводом к полемике послужила публикация Бернштейном серии статей «Проблемы социализма» (1896—1898), направленных против начетнического, апологетического толкования марксизма тогдашними социал-демократическими идеологами.

7. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 210.

8. Бернштейн ссылается на вышедшую в 1896 г. работу итальянского марксиста А. Лабриолы «Об историческом материализме» — продолжения его «Очерков материалистического понимания истории». Центральные идеи Лабриолы — конструктивная критика теории и практики марксизма как средство разработки подлинно действенной концепции социалистического преобразования, борьба с вульгарной схематизацией материалистического понимания истории, догматизацией его основных положений как раз и навсегда данных истин — были близки и понятны Бернштейну, много размышлявшему о доктринальных границах марксистского учения.